

# ИСТОРИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ

---



Олег Михайлов

**Генерал Ермолов  
Проконсул Кавказа**

*ФТМ*

УДК 82-94  
ББК 84(2Рос=Рус)6  
М69

**Михайлов, О.**

М69 Генерал Ермолов. Проконсул Кавказа / О. Михайлов. – М. : Т8RUGRAM / Агентство ФТМ, 2018. – 664 с. – (Исторические хроники).

ISBN 978-5-521-74610-1

Исторический роман Олега Михайлова – автора популярнейших книг о Суворове, Державине, Кутузове, Бунине, Куприне – посвящён одному из самых известных героев Отечественной войны 1812 года, участнику Бородинского сражения генералу Алексею Петровичу Ермолову (1777–1861). С именем Ермолова связаны не менее важные события в истории Российской Империи – приведение к покорности горских народностей Северного Кавказа в 1817–1827 гг. Именно об этом А. С. Пушкин писал грозному «проконсулу Кавказа»: «Собирая памятники отечественной истории, напрасно ожидал я, чтобы вышло наконец описание Ваших кавказских подвигов. До сих пор поход Наполеона затемняет и заглушает всё». В книге Олега Михайлова на основе документальных источников впервые подробно описываются как бородинский, так и закавказские подвиги генерала Ермолова.

**litagent.ru**

*Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.*

УДК 82-94  
ББК 84(2Рос=Рус)6  
ВІС FC  
BISAC FIC014000

© Т8RUGRAM, 2018  
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.»,  
2018  
© Текст. О. Михайлов,  
наследники, 2018

ISBN 978-5-521-74610-1

*«Обращаюсь к Вашему высокопревосходительству с просьбою о деле, для меня важном. Знаю, что Вы неохотно решитесь ее исполнить. Но Ваша слава принадлежит России, и Вы не вправе ее утаивать. Если в праздные часы занялись Вы славными воспоминаниями и составили записки о своих войнах, то прошу Вас удостоить меня чести быть Вашим издателем. Если же Ваше равнодушие не допустило Вас сие исполнить, то я прошу Вас дозволить мне быть Вашим историком...»*

*А. С. Пушкин — А. П. Ермолову*



# Пролог

Четырех императоров пережил он и от двух претерпел незаслуженные и жестокие обиды. От отца и сына — Павла Петровича и Николая Павловича...

Старик, с большой головой, покрытой совершенно белыми волосами, и с выражением непреклонной воли во всех чертах умного лица, сидел за письменным столом. На нем был казинетовый сюртук и синие шаровары со сборками на животе. Ноги мощного старика, обутые в узорчатые азиатские сапоги, покоились на раскинутой под столом медвежьей шкуре. Два шандала, стоявшие на письменном столе, мягко освещали небольшой кабинет, медальоны графа Толстого на стене, изображающие войну двенадцатого года, низкий диван, вырывая из полутьмы лишь знаменитую уткинскую гравюру генералиссимуса Суворова да латинскую книжицу, на которой лежала красная, огромная, похожая на львиную лапу рука старика.

Тихо было в комнате. Тишина царила во всем скромном семиоконном деревянном домике, примыкавшем к зданию пожарного депо. В передней, освещенной свечкой с зеркальным рефлектором, на желтом конике сладко клевал носом камердинер, ровесник старика.

А на Пречистенском бульваре, в двадцати шагах от домика, в этот сентябрьский погожий вечерний час было шумно и празднично. В радужном свете газовых фонарей, серебривших своим светом листву деревьев и кустарников, клубилась по-летнему разряженная тол-

па, в которой лишь изредка мелькали чуйка или засаленный армяк. Звероподобные лихачи, туго перепоясанные кушаками, развозили в колясках по ресторанам развеселые компании, парочек или одиноких господ в «Дрезден» на Тверскую площадь и в «Кавказ» в Козицкий переулок, к «Яру» на Петербургское шоссе и в «Европу» в Неглинный проезд, в «Лондон» к Охотному ряду и в «Петербург» на Воздвиженку. Дворянская, чиновная, купеческая Москва, как всегда, много и сытно ела, всласть пила, веселилась, не обращая внимания на отчаянно-призывные крики мальчишек, чертенятами вившихся в толпе с пачками сырых газет: «Новая бомбардировка Севастополя!», «Зверства турок в Бессарабии!», «Обмен пленными в Одессе!».

Далеко, далеко витали мысли старика.

— Так быстро развалить армию... И какую армию! Столько гадостей наделать в Севастополе! Уступить во всем!.. — проговорил он наконец, сжимая и разжимая тяжелый кулак. — У всякого свой царь в голове... А у России? Царь, выходит, в отпуску?..

Старик медленной глыбой поднялся из-за стола, сутуловатый, но еще крепкий, даже могучий, и прошелся по кабинету той неслышной походкой, которая не будила и секретные засады немирных горцев. Постоял в раздумье перед гравюрой — блестящим резцом выгравирован портрет Суворова, превосходно изображено лицо, белый австрийский фельдмаршальский мундир, многочисленные ордена...

— Если бы был жив Суворов... Если бы он был жив!..

Туговатым ухом старого артиллериста уловил лег-

кий шум в передней.

— Ксенофонт! — громовым голосом, способным перекрыть рев пушек, крикнул он.

Некогда, во время неожиданной ссылки при сумасбродном Павле Петровиче и заточения в Костроме, он воспользовался вынужденным бездельем и приобрел большие сведения в военных и исторических науках, а также выучился весьма основательно латинскому языку у соборного протоиерея и ключаря Егора Арсеньевича Груздева.

Ученик будил его ежедневно чуть свет словами: «Пора, батюшка, вставать: Тит Ливий с Ксенофонтом нас давно уже ждут».

Тогда-то переименовал он своего юного денщика Федула в Ксенофонта.

Камердинер не тотчас появился в дверях и слегка наклонил трясущуюся голову.

— Ксенофонт! — строго повторил старик. — Что за беспорядок?

— Офицер к вашей милости, Алексей Петрович, — ничуть не смущаясь грозным видом хозяина, ответил Ксенофонт-Федул.

— Хм... Офицер? К отставному солдату?

— Отставной... — бесстрашно передразнил его камердинер. — Да ты и сейчас любого супостата опровергнешь... Недаром, чай, тобой на Кавказе детей пужали...

Пропустив мимо ушей реплику Ксенофонта, старик вновь утвердился за столом, приобретя вид еще более строгий, грозный:

— Зови!

Защелкали быстрые шажки, и в кабинет влетел гвардейский капитан, тонкий и гибкий, словно лоза, с натертыми воском, торчащими усами и витым серебряным аксельбантом.

— Адъютант его превосходительства московского генерал-губернатора Закревского, со срочным пакетом вашему высокопревосходительству! — сильной фистулою отчеканил капитан.

— Так! — не подымаясь, молвил старик, принял конверт и сломил сургучные вензелевые печати.

В феврале истекающего 1855 года его, семидесяти-восьмилетнего старца, несмотря на явное недовольство ныне почившего в бозе императора Николая Павловича, почти единогласно избрали начальником ополчения в семи центральных губерниях, причем сам он принял эту должность по Московской.

Он нашарил на столе лупу, вперил через стекло слабые глаза в казенную бумагу и громко зашептал:

— «Препровождаю Вам, как начальнику ополчения Московской губернии, сей скорбный приказ главнокомандующего Южной армией его сиятельства генерал-лейтенанта Горчакова 2-го об оставлении...» Об оставлении... — Голос старика пресекся. — Что-то, батюшка мой, — обратился он к капитану, — совсем худо: ничего не вижу, буквы двоятся... Прочитай уже приказ сам. — И вынул из пакета другую бумагу.

Капитан поправил нафабренный ус и еще более высоким, чем при представлении, голосом начал:

— «Храбрые товарищи! 12 сентября прошлого. 1854